

Семантический потенциал образа Кощея в современном российском кино

П.Ю. Зернова

аспирант ВГИКа

ORCID: 0009-0006-9943-1063

AuthorID: 1225-4420

DOI: 10.69975/2074-0832-2025-63-1-160-173

В статье рассматривается эволюция образа Кощея в отечественном кино — от советских киносказок до современности. Доказывается зависимость процесса усложнения отличительных черт героя и характера ролевой модели от особенностей культуры и требований времени. Анализируется значение смерти Кощея и изменение отношения к ней как важный шаг в процессе адаптации фольклорного образа для современной зрительской аудитории. В финале статьи автор приходит к выводу, что, несмотря на усложнение образа Кощея, добавления новых, ранее не свойственных персонажу ролевых моделей, возможностей иного исхода истории, одновременно заметен и процесс упрощения сюжетных схем в самих кинопроизведениях. Происходит смена одних сюжетных шаблонов (волшебная сказка) на другие (шаблоны жанров кино).

The article surveys the evolution of Koshchei figure in Russian cinema from Soviet movie fairy tales to the present day. It proves the dependence of the growing sophistication of the character's distinctive features and the type of the role model on the cultural peculiarities and the demands of times. The author analyzes the significance of Koshchei's death and the change of attitude to it as an important step in adapting the folklore image for modern audiences. In the final part of the article, the author comes to the conclusion that alongside with the complexity of Koshchei's image, the addition of new role models previously uncharacteristic of the character and the possibilities of a different outcome of the story, the process of simplification of plot patterns in the films themselves is noticeable. There is a change from some plot templates (fairy tale) to other ones (film genre templates).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

сказка, киносказка, Кощей, смерть Кощея, образ, трансформация, психологизм, человечность

KEYWORDS

fairy tale, fairy-tale film, Koshchei, Koshchei's death, character, transformation, psychologism, humanity

Для цитирования: Зернова П.Ю. Семантический потенциал образа Кощея в современном российском кино // Вестник ВГИК. 2025. Т. 17. № 1. С. 160–173. <https://doi.org/10.69975/2074-0832-2025-63-1-160-173>.

For citation: Zernova, P.Yu. The Semantic Potential of the Koshchei Archetype in Modern Russian Cinema // Vestnik VGIK 2025. Vol. 17. No. 1, pp. 160–173. <https://doi.org/10.69975/2074-0832-2025-63-1-160-173>. (In Russian)

Кощей Бессмертный — один из важнейших и интереснейших персонажей отечественных сказок. «С неясной этимологией имени, смутным внешним обликом, противоречивыми вариантами толкования образа» [4] Кощей в последние годы становится все более популярным героем массовой культуры, в особенности жанрового сказочного кино и анимации для семейной аудитории. Учитывая специфику образа Кощея и многозначность, изначально заложенную в него, не удивительно наблюдать его модификации в кино на протяжении времени. Анализ истории трансформации образа Кощея от советского к российскому кино выявит некоторые важные тенденции, характерные для современных сказок, и произошедшие изменения в массовой культуре.

Иконография образа: исторический аспект

Исследователи мифологии и фольклора выделяют разнородный набор функций, которые может исполнять Кощей: злодей; повелитель загробного мира, напрямую связанный с царством смерти (Жучкова А.В., Галай К.Н.); вредитель или похититель (в другом значении он может выступать «временным, “неправильным” мужем героини» [5, с. 121]). Советский фольклорист В.Я. Пропп отмечал сходство ролевых функций Кощея с другим героем сказок — змеем [6].

Изначально существующая в фольклоре вариативность образа Кощея предполагает возможность различных способов его презентаций и репрезентаций как героя произведений искусства, и в особенности кинематографа. Жанр советских киносказок предлагал зрителю четкую дефиницию образа Кощея как злодея, что нередко подчеркивалось особенностями костюма и грима актера — исполнителя роли. Легитимность данного паттерна

поведения Кощея в искусстве подчеркивалась исследователями: «Стереотипность Кощея как персонажа многих фольклорных жанров (сказки, былички, детский фольклор) сочетается с синтезом в этом образе смежных мифологических представлений, что позволяет воспринимать Кощея Бессмертного как концепт и модель характера злодея» [1, с. 74]. Самые известные образы Кощея, ставшие классическими для отечественного кино, воплотил на экране Георгий Милляр. Кощеи, сыгранные им, проходят путь развития от inferнального существа, похожего на короля гуннов из «Нибелунгов» Фрица Ланга (1924) в «Кашее Бессмертном» (реж. А. Роу, 1944) [8], до комичного старичка, пожелавшего найти себе невесту помоложе в фильме «Огонь, вода и... медные трубы» (реж. А. Роу, 1967). Последний Кощей к тому же озадачен вопросом преодоления неприятных последствий старения тела: видимо, бессмертие не предполагает вечную молодость. Другими знаковыми Кощеями советского экрана выступили Николай Боярский, Александр Филиппенко и Олег Табаков.

Кощей из фильма «Новогодние приключения Маши и Вити» (реж. Г. Казанский, И. Усов, 1975) — Николай Боярский — одет в театральный костюм скелета, а его кожа имеет синий оттенок. Но более примечательной и запоминающейся деталью его образа была зубная боль, от которой он страдал, — в этом проявлялась уязвимость героя. Как и Кощейю Миллара из фильма «Огонь, вода и... медные трубы», этому бессмертному тоже становятся не чужды страдания тела.

Кощей в фильме «Там, на неведомых дорожках» (реж. М. Юзовский, 1982) в исполнении Александра Филиппенко — суровый и кровожадный тиран. Его доспехи уже не напоминали зрителям о средневековой саге о нибелунгах, как в фильме Роу, однако служили своеобразной солдатской формой, характеризующей героя как органичную часть мира, откуда он пришел и который захотел привнести — мир войны.

Самым безобидным кажется Кощей Олега Табакова из фильма «После дождичка в четверг...» (реж. М. Юзовский, 1985). Его герой — раздобревший любитель сказок. Он отличается и во внешнем облике, который больше не мрачный, а светлый, ведь Кощей здесь блондин в серебристом халате.

Таким образом, уже в советских киносказках внешний вид Кощея, как и черты его личности, со временем подвергаются значительным модификациям. Несмотря на сохраняющуюся негативную модель роли, если Кощей Миллара из фильма эпохи 1940-х соответствовал функции фольклорного злодея-похитителя, то в более позднее время наблюдается драматизация образа,

а также частичное наделение его комичностью. Милляр и Боярский из кино семидесятых — забавные, но в каком-то смысле беспомощные трикстеры, подверженные физическим слабостям, несмотря на бессмертие; образом эпохи начала 1980-х выступил Филиппенко — диктатор, символизирующий тоталитарную систему власти, а середины десятилетия — Табаков, причудливый толстяк, сам обожающий сказочные истории.

Иконография образа: современность

Современные воплощения образа Кощея значительно отличаются от своих предшественников. Для эпохи постпостмодерна характерна установка на переосмысление привычных героев и сюжетов в рамках новой культуры во всех ее формах: профессиональной и любительской. Кандидат филологических наук Булдакова Ю.В. в своем исследовании репрезентации образа Кощея в работах непрофессиональных авторов фан-фикшна¹ замечает: «Источники сюжетов о Кощее демонстрируют влияние на трактовку образа Кощея жанровых и стиливых формул популярной культуры, адаптирующей фольклорный или классический текст для массового потребителя» [1, с. 70]. В состав упоминаемой популярной культуры легитимно включен и кинематограф для массового зрителя, чем являются экранизированные сказки. Значительное усложнение образа Кощея, усиление психологизма в них связано с необходимостью актуализации Кощея как героя народного фольклора под интересы новой аудитории. Своеобразная наивность и устойчивость фольклорных образов уже не отвечает существующим потребностям публики, которая и в собственном творческом порыве стала создавать неоднозначных, многогранных героев. При этом правильной будет говорить скорее о взаимосвязи, о процессе взаимовлияния культур любительской и популярной, так как трансформация образа Кощея, как и многих других героев, в этих видах культур происходит примерно параллельно друг другу. Заимствование носит двусторонний характер, отвечающий общему настроению времени.

Если Кощей в советских киносказках, как правило, представлял собой абсолют, не нуждающийся в дополнительных объяснениях мотивировок, побуждающих героя выполнять функцию злодея, то в новое время наблюдается тенденция к многослойным отрицательным персонажам. Современному автору необходимо рассказать зрителю о причинах совершения зла. Происходит отход от паттернов поведения в советских киносказках, использовавших в большинстве своем классические фольклорные сюжетные схемы, известные по исследованиям В.Я. Проппа,

¹ Фан-фикшн (от англ. fan fiction — фанатская литература, фанатская проза) — произведения непрофессиональных авторов, которые основаны на персонажах, сюжетах, вселенных из литературных произведений, кино, анимации, игр, комиксов, музыки и др.

в пользу синтеза жанров, также предполагающем шаблонность схем, но шаблонность схем несколько иного рода. Реализация идеи о создании более многопланового образа Кощея достигается путем драматизации, мелодраматизации и/или прибавления усиленного комедийного аспекта. Например, уже в «Книге мастеров» заметно изменение отношения к этому персонажу. Один из основных приемов, используемых в данном фильме, в том числе применительно к образу Кощея, — ирония. Итальянский философ Умберто Эко писал: «Постмодернизм — это ответ модернизму. Раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить, иронично, без наивности» [11]. Такому осмеянию, а также мелодраматизации и подвергается здесь Кощей.

Кощей в исполнении Гоши Куценко представлен в классической киноиконографии, знакомой по советским киносказкам: его герой лысый и в мрачных одеждах. Но этот герой, вышедший из пушкинского лукоморья, поскольку любит «чахнуть над золотом», женился по любви на красавице-русалке. Но еще более важным моментом в фильме была внезапная смена ролевой модели Кощея. Теперь он выступил в роли помощника главного героя — Ивана. Пускай Кощей помогает ему вынужденно, под давлением и по просьбе жены, но он совершает добрый поступок. Данный шаг — очень важный на пути понимания современных тенденций в отечественном сказочном кино, поскольку тип Кощея-помощника или трикстера, переходящего в разряд друзей героя, затем станет характерным для других, более поздних фильмов.

В «Реальной сказке» Андрея Мармонтова (2011) образ Кощея (Леонид Ярмольник) обрастает психологизмом. В пространстве фильма, где русские сказки уже мало кто читает и помнит, их заменили зарубежные блокбастеры и фэнтези, а среди детей и взрослых больше нет веры в чудо. Из-за упадка интереса к волшебству мир сказки погружается во тьму, разруху и нескончаемый дождь, а единственным возможным выходом из этого явилось глобальное переселение сказочных героев в реальный мир, затеянное Кощеем. Так Кощей «как олицетворение эгоизма, культивирующего прагматизм и расчетливость в современном обществе» [10, с. 141] становится хозяином двух миров: сказочного и реального. Кощей в реальности — уважаемый, ухоженный мужчина средних лет с красивой прической; в сказке он предстает в двух вариациях: силуэт в черном балахоне или молодой человек с прической каре на коне. Обоснование костюма в реальности строится на профессии героя. Оказавшись в реальном мире, Кощей быстро сколотил себе состояние и стал олигархом,

скрывающим под маской благотворительности жестокую натуру. Напрашивается аналогия с «Американским психопатом», но в менее натуралистичной и кровожадной версии. Однако пускай Кощей превращал детей в розы и убивал сказочных героев в свободное от работы время, он для начала попытался спасти сказочных героев от полной разрухи. Правда, благородство Кощея легко поставить под сомнение, ведь его дальнейшие шаги возвращают его к знакомому образу злодея-тирана. Только теперь у Кощея для злодейства появляется причина, и обозначена она весьма недвусмысленно: усталость от роли сказочного злодея, обреченного вечно погибать от рук Ивана-дурака и возрождаться вновь. Однако побег в реальность, в мир людей, не помогает Кощею избежать исполнения свойственной ему в данной парадигме фольклорной функции. Он так и не обретает желаемое бессмертие, и в конце неминуемо погибает, чтобы обозначить начало нового мира и новой сказки.

В трилогии «Последний богатырь» образ Кощея претерпевает еще более масштабные изменения. Режиссер трилогии Д. Дьяченко говорит об этом персонаже так: «Он (Кощей) вроде бы и сказочный персонаж, но в то же время реальный человек со своими желаниями» [7]. Кощей все более удаляется от безусловности фольклорной роли и обретает сложность человеческого характера. Кощей, сыгранный Константином Лавроненко, приобретает длинную предысторию своего становления. Кощей когда-то был простым, но очень одиноким мальчиком Николой — учеником великого доброго мага Белогора. Однако желание власти пересилило в Николе добродетель, и он убивает своего учителя ради тайны бессмертия, затем превращаясь в злодея-мага и тирана Кощея Бессмертного, на тысячу лет погрузившего Белогорье во тьму. Его внешний облик походит на собирательный, но больше всего герой похож на классического миллиаровского Кощея с его лысиной, короной и острыми в черных латах доспехах. Только костюм обрел налет знакомых зарубежных фэнтезийных фильмов, вроде «Властелина колец» и сериала «Игра престолов» с похожим стилем отделки из благородной кожи со вставками из веток, металлических деталей и пряжек. Меняясь и все более раскрываясь на протяжении трилогии, Кощей проходит самый длинный и яркий путь трансформации: от злодея и предателя до героя, готового пожертвовать своей жизнью ради спасения мира. В третьем фильме Кощей и вовсе начинает переживать экзистенциальный кризис, мучаясь вопросами о правильности своего выбора в прошлом, о сути вещей, меняющих мир вокруг и жизнь самого человека, что совсем нетипично для этого персонажа как

героя фольклора, мифологии или советских киносказок. Хотя первый шаг в этом направлении был сделан уже Кощею Яромольника, но тот Кощей не хотел полностью отказываться от своих фольклорных функций, он лишь осознал проблему: ему надоело умирать и возрождаться. В «Последнем богатыре» Кощей совершает радикальный шаг: отказывается от привычных канонов, чтобы стать героем.

Еще одним важным фильмом в контексте изучения образа Кощея является фильм Александра Войтинского «По щучьему велению» (2023). Кощей в исполнении Федора Лаврова носит доспехи, но с причудливыми декоративными элементами в виде голубых лилий, а брови Кощея окрашены в оранжевый. Надежда Васильева, художник по костюмам, назвала его «рыцарем бессмертия в цветочных доспехах» [3]. Этот Кощей больше не подходит на существа inferнальных, в нем гораздо больше средневековой романтики, фэнтезийности и прямо-таки выразительной сказочности. Кощей исполняет фольклорную роль правителя заграничного царства, но более важная роль, отведенная ему в этом сюжете, — роль отца Василисы-щуки. Образ Кощея в этом кино можно назвать самым человеческим среди остальных. Этот Кощей обретает семью, а значит, привязанности. У него неплохое чувство юмора, он очень любит свою дочь, пускай методы воспитания его довольно спорные — превратить непослушную, дерзкую Василису в щуку. Теплоту отношений отца и дочери, несмотря на некоторый существующий конфликт непонимания, доказывает сцена расставания с отцом, когда они вдвоем сидят на каменных ступенях и Василиса кладет голову ему на плечо. Этот Кощей далек от злодейства, характерного для большинства его предшественников из советского кино. Даже видимая связь с inferнальным (он повелитель царства мертвых) не превращает Кощея в раба данного определения.

Если «трансформация образа Кощея в любительской словесности связана с игровым, профанным прочтением фольклора, а также — с взаимовлиянием мифологического, книжного и популярного пространства» [1, с. 75], то в современном сказочном кино можно наблюдать схожий процесс взаимовлияния разного рода культурных и в том числе киноконтекстов. Например, популярных зарубежных фильмов фэнтези и фантастики, которые иногда напрямую становятся референсами (трилогия П. Джексона «Властелин колец», 2001–2003; фильмы по комиксам Марвел; проекты студии «Дисней», переосмысляющие классических злодеев, по типу «Малефисенты», реж. Р. Стромберг, 2014), или литературных жанров славянского фэнтези и юмористической

фантастики (в том числе российской — например, романов А. Белянина). Приближение архетипов героев фольклора к кинозрителю, осовременивание, заключается, таким образом, в наделении образа Кощея человеческими чертами: слабостями, привязанностями и сложностью характера, более свойственных не сказкам как жанру фольклора, а другим литературным и кинопроизведениям.

Актуализация канонов смерти Кощея

Важный вопрос в контексте анализа трансформации образа Кощея — изменение отношения к смерти данного героя. Кандидаты филологических наук Жучкова А.В., Галай К.Н., анализируя сложную и неоднозначную историю бытования образа Кощея в мифах и сказках, приходят к следующему выводу: «Значение образа Кощея и в мифологии, и в фольклоре состоит в исполнении функций хранителя старого порядка вещей, старого мира. Герой, побеждающий слугу старого порядка, зарождает новый мир, возникающий из яйца, в котором хранилась Кощеева смерть» [2, с. 173]. Идея создания нового космоса посредством убийства Кощея характерна и для сказочного кинематографа. Вполне очевидной характерной чертой в процессе изменения трактовки образа персонажа видится то, что одновременно с изменением семантики образа Кощея подвергается сомнению и сакральное значение убийства этого героя.

По мере разрушения мифологического сознания в контексте советского кино, сопровождающегося потерей веры в сказки (в том числе среди героев сюжетов киносказок), отношение к смерти Кощея уже начало меняться. В кинематографе 1970-х — начала 1980-х произошел поворотный момент в кощеевой истории, которая до этого всегда заканчивалась неизменно смертью персонажа. В эпоху застоя киносказки превратились в философские притчи о безвозвратной потере Золотого века волшебных историй и пришедшей ей на смену эпохи неверия и бессилия (например, «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил», реж. Н. Кошеверова, 1977). В фильме «Новогодние приключения Маши и Вити» Кощея впервые не убивают в конце сказки. Да и сам Кощей демонстрирует лишь свою слабость в битве с мальчиком Витей и болезненность. Вместе с ним будто болеет и вся сказка, которая в финале снимает с себя маску и демонстрирует свою наигранность. Видимо, из-за этой искусственности, а также малого возраста главных героев, не готовых убивать Кощея, символически новый мир не рождается, ведь сакрального убийства не происходит.

Второй важный фильм в истории изменения отношения к смерти Кощея в советском кино — «Там на неведомых дорожках...». Баба Яга намеренно выпускает на волю утку, в которой хранится смерть Кощея, чтобы он не умер. На логичный вопрос от ее подруги Кикиморы «Почему?» она отвечает: «Чтобы сказка не кончалась». Эту фразу можно трактовать абсолютно в различных векторах: от надежды на возвращение приключенческого сюжета сказки в советское кино до нежелания окончательного освобождения от мифа сталинского периода, которое выразил образ тоталитарного Кощея вместе с предателем-приспешником. Однако более правдоподобно будет найти объяснение в обозначении попытки удержать, законсервировать сказку до лучших времен, которые наступили в кино только спустя почти два десятилетия.

Отказ от убийства Кощея произошел уже в советских киносказках, а значит, в фильмах современности происходит только возвращение к этому ранее поставленному вопросу, но уже в несколько иных модификациях и с другими целями.

В «Книге мастеров» и «По щучьему велению» нет смысла убивать Кощея, ведь он — помощник главного героя. В современных сказках Кощея убивают только в фильмах «Реальная сказка» и «Баба Яга спасает мир» (реж. К. Захаров, 2023). В «Реальной сказке» убийство Кощея превращается в настоящее испытание на смелость, поскольку Кощей устанавливает плату за свою смерть. Теперь вместе с Кощеем умрет и герой, который осмелится сломать иглу. Первым героем, которому выпадает это испытание, — Иванушка-дурачок. Он не в первый раз ломал иглу и знает правила старой игры, согласно которым после убийства Кощея все возвращается на свои места и сказочный сюжет в очередной раз начинается заново, словно в дне сурка. Однако услышав от Кощея новые условия, согласно которым со злом бороться стало дорогим удовольствием, Иванушка не смог совершить эту жертву из-за своей жены Василисы. Любовь к ней пересилила тягу к геройству. Также и другие обитатели сказки не захотели отдать собственную жизнь за смерть Кощея. Никто из них не был готов столкнуться лицом к лицу со смертью, поскольку сказочные герои, как и люди, в этом фильме лишились веры в собственные сказки и чудо, которое является основой их мира.

Добровольную жертву совершает здесь главный герой кинокартины, представитель поколения российских подростков — Александр Богатырев. Однако прежде Кощей подвергает его испытаниям, пытаясь отговорить Сашу совершать самоубийственный поступок, откупиться от него. После первых неудач-

ных словесных перепалок Кощей расколдовывает сестру Саши из однолетней белой розы обратно в человека, тем самым отдав герою то, зачем он и пришел в сказочный мир. Но возвращение сестры уже не могло остановить героя, поскольку он видел у Кощей дома целый сад таких роз, а значит, и зло продолжит свое существование, если он не уничтожит Кощея. Тогда герой оказывается на следующем этапе испытания — сестра Саши пытается отговорить брата совершать самопожертвование. Однако и это не останавливает Сашу, который уже не подвластен личным мотивам, что подтверждает его фраза: «Это не больно, если не думать о себе». Тогда Кощей попытался надавить на возможное тщеславие героя, ведь его подвиг никто не оценит, не поймет, он никому не нужен. Но и это не поколебало уверенность Саши, и он переламывает иглу. Убив Кощея, герой действительно умирает и сам. Но ненадолго, ведь его спасает мать, оживляющая сына в больнице своей безусловной верой в невозможность его смерти. После этого дождь прекращается, и в сказочный мир возвращается солнце, как и мир реальный становится несколько светлее за счет одного человека, в ком пробудилась вера в чудо — матери Саши. Убийство Кощей возвращает веру в чудо как в сказочный мир, так и в реальный, а значит, жертва помогла гармонизировать, уравновесить оба мира. Хотя о правдоподобности реализации данного сюжета в контексте фильма можно поспорить, жертва стала символом надежды на счастливый финал истории.

В фильме «Баба Яга спасает мир» герои убивают Кощея, чтобы предотвратить наступление царства вечной тьмы без любви и сопереживания, которое он намеревался построить. Однако интерес к этому фильму вызван не самой смертью Кощей (его различают с бессмертием в виде тени), а тем, что следует за ней. Ведь этот фильм не дает уверенности в полной победе над злом, которое воплощает Кощей. Баба Яга сообщает, что Кощей будет жить, пока в людях будет злоба и ненависть. Фильм обосновывает легитимность периодического возвращения Кощей в фольклорных и также авторских сюжетах: бесконечно повторяющееся противостояние Кощей и других сказочных героев есть выражение диалектики нашего мира, существующей в нем неизбежной борьбы добра со злом. Правда, данный тип Кощей-злодея уже не является преобладающим для отечественных сказок, поэтому идея фильма кажется немного устаревшей и наивной.

Самое интересное живописание истории жизни и смерти Кощей разворачивается в трилогии «Последний богатырь». В контексте первой части богатырь Добрыня Никитич, ставший антагонистом, пожелал обрести бессмертие и единолично пра-

вить Белогорьем. Он создает коалицию со своей женой Варварой, подбившей его на этот шаг, и свергнутым тираном Кощеем Бессмертным. Последний соглашается помочь Добрыне добыть меч-кладенец в обмен на возвращение ему камня, в котором спрятана его смерть (происходит смена предмета, в котором заключена смерть Кощея). Однако Добрыня обманул Кощея и не собирался возвращать ему камень, а просто использовал героя в своих целях. Когда Кощей, как и другие сказочные герои, которых он обманул, оказывается связанным в качестве пленника, его начинают одолевать сомнения. Увидев, что Добрыня после обретения бессмертия превратился в настоящего монстра и, возможно, повторит его собственную роль тирана Белогорья, Кощей сначала переходит на противоборствующую сторону, а после становится перед выбором: совершить героический поступок и спасти Белогорье от более худшей версии себя или же принять предложение Добрыни сохранить артефакт, в котором теперь заточена не только его смерть, но и смерть Добрыни. Кощей принимает решение уничтожить камень. Намеренно отказываясь от своего бессмертия и принимая свою фактическую смерть, Кощей совершает добровольное самопожертвование, разрубая камень мечом-кладенцом ради спасения всего мира и населяющих его героев.

Если в конце первой части Кощей совершает акт самопожертвования, то во втором фильме «Последний богатырь: Корень зла» герои возвращают его из царства смерти обратно в мир живых. Воскрешают, чтобы он смог помочь исправить ошибки своего прошлого и спасти мир от проснувшегося зла — убитого Кощеем Белогора, пропитавшегося злобой и ненавистью. Так Кощей вновь заставляют рефлексировать по поводу своего прошлого, восстанавливая в его памяти события этой истории. Уже в третьей части франшизы «Последний богатырь: Посланник тьмы» Кощей пытается разобраться с проклятием вернувшейся после воскрешения памяти и мучиться чувством вины за совершенные злодеяния. В начале фильма он выглядит как никогда усталым от своей вечной жизни. Вступив в борьбу с остатками зла, когда-то порожденных Кощеем, герои в третьей части истории «Последнего богатыря» приходят к необходимости ликвидации из сказочного мира Кощея. Чтобы восстановить утраченную гармонию мира, в котором появилась и восторжествовала тьма, необходимо было уничтожить, окончательно убить Кощея — первопричину нарушенного равновесия сил. Однако его не совсем убивают, а правильной сказать — отменяют и обнуляют его историю, уничтожая саму возможность существования данного героя в мире сказки. Отмена Кощея — нечто совершенно новое в

контексте истории этого героя. Если сказка и миф предполагают сохранение памяти о существовании злодея как важном аспекте развития мира, в котором должен присутствовать дуализм добра и зла, то теперь Кощей как вредоносный элемент, нарушающий гармонию космоса, исчезает из него, оставляя вместо себя доброго мага — ученика Белогора.

Так в рамках поставленной задачи объяснения истории и мотивации персонажа происходит переосмысление устойчивого в фольклорном мире образа. В осмыслении зла, стремлении раскрыть причины становления Кощея как злодея видится очень современная тенденция в искусстве, которое желает понять, лучше разобраться в окружающем мире, изменившемся после стольких глобальных потрясений. Теперь в Кощее пытаются разглядеть трагедию личности, добавить к образу психологизма, даже помочь исправиться, сделав его более привлекательным и интересным для зрителей. Самое важное, принципиальное изменение по сравнению с большинством советских киносказок: Кощей все больше удаляется от инфернального и становится все более человеческим.

Заключение. Перспективы

Анализ истории трансформации образа Кощея от советского к российскому кино демонстрирует принципиальный перелом в репрезентации некогда фольклорного и мифологического персонажа. Появившаяся необходимость синтеза всевозможных контекстов для создания обновленных образов сказочных героев, привлекательных для новой аудитории, ожидаемо привела к тому, что Кощей из персонажа безусловного, несущего в себе четко определенную негативную функцию, трансформировался в сложноустроенного трикстера с потенциалом множества внутренних и внешних конфликтов. Кощей все больше подвергался процессу очеловечивания, пока окончательно не отождествился с человеком.

Кощей из сказочного кино XXI века обладает большой палитрой возможных образов: от героя, способного на самопожертвование и глубокие внутренние переживания, до героя-любownika. Последний тезис подтверждают анимационные проекты. Например, в 2022 году вышел мультфильм «Кощей. Похититель невест» (реж. Р. Артемьев), где в финале Кощей приходит к тому, что отказывается от бессмертия и становится обычным человеком, а заодно обретает любовь. Образ Кощея-отца из «По щучьему велению» кажется в этом ряду не менее важным шагом в изменении роли героя в современной массовой культуре. Этот

Кощей тоже способен любить. Испытывающий экзистенциальный кризис Кощей из «Последнего богатыря» открывает возможность изменения своего предназначения, ведь оно определяется только выбором самого героя. Однако стоит отметить, что, несмотря на усложнение образа Кощея, добавления новых, ранее не свойственных персонажу ролевых моделей, возможностей иного исхода истории, одновременно заметен и процесс упрощения сюжетных схем в самих кинопроизведениях. Происходит смена одних сюжетных шаблонов (волшебная сказка) на другие (шаблоны жанров кино). Каким еще трансформациям подвергнут персонажа в кино, покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булдакова Ю.В. Кощей Бессмертный в произведениях фан-фикшн: мифология и популярная культура // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал, 2024. С. 63–76.
2. Жучкова А.В., Галай К.Н. Функциональное значение мифологического образа Кощея Бессмертного и его отражение в русских волшебных сказках // Вестник славянской культур. М.: РУДН, 2015. С. 165–175.
3. Злободневные образы фильма «По щучьему велению»; (2023) // LiveJournal. 2023. URL: <https://selyanka1.livejournal.com/547975.html> (дата обращения: 13.05.2024).
4. Кротова Н.С. Как убить Кощея Бессмертного? (культурно-мифологическое значение атрибутов смерти сказочного персонажа) / Центр типологии и семиотики фольклора. 2005. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/krotova2.htm> (дата обращения: 17.05.2024).
5. Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки. Традиция — текст — фольклор: типология и семиотика / отв. ред. серии С.Ю. Неклюдов. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. С. 122–160.
6. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 544 с.
7. Серебрянский С. Режиссер «Последнего богатыря»: «Наша сказка достаточно суровая» // Мир Фантастики. 25 октября 2017. URL: <https://www.mirf.ru/kino/dmitry-dyachenko-poslednij-bogatyr-interview/> (дата обращения: 13.05.2024).
8. Сиривя Н. Кащей Бессмертный и Нибелунги // Искусство кино. Архив. № 3 (Март). 1997. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/1997/03/n3-article15> (дата обращения: 18.05.2024).
9. Спутницкая Н.Ю. Птушко. Роу: мастер-класс российского кинофэнтези: монография. Берлин; М.: Директ-Медиа, 2018. 367 с.
10. Тихонова В.Л. Философская интерпретация кинотекста «Реальная сказка»: экзистенциальный аспект // Logos et Praxis. Вести. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 7, Филос. № 4 (34). 2016. С. 140–144.
11. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». URL: https://hist.bs.u.by/images/stories/files/uch_materialy/muz/3_kurs/Eстетика_Leschinskaya/30.pdf (дата обращения: 13.05.2024).

REFERENCES

1. *Buldakova, YU.V.* Koshchey Bessmertnyj v proizvedeniyah fan-fikshn: mifologiya i populyarnaya kul'tura [Koshchey the Immortal in works of fan fiction: mythology and popular culture]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Literaturovedenie: Referativnyj zhurnal.* no. 7, 2024, pp. 63–76. (In Russ.)
2. *ZHuchkova, A.V., Galaj, K.N.* Funkcional'noe znachenie mifologicheskogo obraza Koshcheya bessmertnogo i ego otrazhenie v russkikh volshebnyh skazkah [Functional significance of the mythological image of Koschei the Immortal and its reflection in Russian magic fairy tales]. Moscow, RUDN Publ., 2015. pp. 165–175. (In Russ.)
3. *Zlobodnevnye obrazy fil'ma (2023) "Po shchuch'emu veleniyu"* [Topical images of the movie "By Pike's Will"]; *LiveJournal.* 2023. Available at: <https://selyanka1.livejournal.com/547975.html> (Accessed 13 March 2024). (In Russ.)
4. *Krotova, N.S.* (2005) Kak ubit' Koshcheya Bessmertnogo? (kul'turno-mifologicheskoe znachenie atributov smerti skazochnogo personazha) [How to kill Koschei the Immortal? (cultural and mythological significance of fairy tale character's death attributes)]. *Centr tipologii i semiotiki fol'klora.* 2005. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/krotova2.htm> (Accessed 17 May 2024). (In Russ.)
5. *Neklyudov, S.YU., editor. Novik, E.S.* Sistema personazhej russkoj volshebnoj skazki. Struktura volshebnoj skazki. Tradiciya — tekst — fol'klor: tipologiya i semiotika. [The system of characters of the Russian magic fairy tale]. Moscow, Rossijsk. gos. gumanit. un-t Publ., 2001. pp. 122–160. (In Russ.)
6. *Propp, V.* (2021) Istoricheskie korni volshebnoj skazki [The historical roots of the fairy tale]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2021. 544 p. (In Russ.)
7. *Serebryanskij, S.* (2017) Rezhisser "Poslednego bogatyrya": "Nasha skazka dostatochno surovaya" [Director of "The Last Bogatyr": "Our fairy tale is tough enough"]. *Mir Fantastiki.* 25 oktyabrya. 2017. Available at: <https://www.mirf.ru/kino/dmitry-dyachenko-poslednij-bogatyr-interview/> (Accessed 13 May 2024). (In Russ.)
8. *Sirivlya, N.* (1997) Kashchey Bessmertnyj i Nibelungi [Kashchey the Immortal and the Nibelungs]. *Iskusstvo kino. Arhiv,* no. 3, 1997 (Mart). Available at: <https://old.kinoart.ru/archive/1997/03/n3-article15> (Accessed 18 May 2024). (In Russ.)
9. *Sputnickaya, N.YU.* (2018) Ptushko. Rou: master-klass rossijskogo kinofentezi: monografiya [Ptushko. Rou: master-class of Russian fantasy film]. Berlin; Moscow, Direkt-Media Publ., 2018. 367 p. (In Russ.)
10. *Tihonova, V.L.* (2016) Filososfskaya interpretaciya kinoteksta "Real'naya skazka": ekzistencial'nyj aspekt [Philosophical interpretation of the movie "The Real Fairy Tale": existential aspect]. *Logos et Praxis. Vesti. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 7, Filos.* no. 4 (34), 2016, pp. 140–144. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication 17.06.2024.

